

Житие святому праведному Алексию Мечеву, пресвитеру Московскому

Святой праведный Алексий Мечёв родился 17 марта 1859 года в благочестивой семье регента кафедрального Чудовского хора.

Отец его, Алексей Иванович Мечёв, сын протоиерея Коломенского уезда, в детстве был спасен от смерти на морозе в холодную зимнюю ночь святым Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским. В числе мальчиков из семей духовенства Московской епархии, отобранных по критерию достаточной музыкальности, он был привезен поздним вечером в Троицкий переулок на митрополичье подворье. Когда дети ужинали, владыка митрополит вдруг встревожился, быстро оделся и вышел осмотреть прибывший обоз. В одних санях он обнаружил спящего мальчика, оставленного там по недосмотру. Увидев в этом Промысл Божий, митрополит Филарет отметил особым вниманием и попечением спасенного им ребенка, постоянно заботился о нем, а в дальнейшем и о его семье.

Рождение отца Алексия произошло при знаменательных обстоятельствах. Мать его, Александра Дмитриевна, при наступлении родов почувствовала себя плохо. Роды были трудные, очень затянулись, и жизнь матери и ребенка оказалась в опасности.

В большом горе Алексей Иванович поехал помолиться в Алексеевский монастырь, где по случаю престольного праздника служил митрополит Филарет. Пройдя в алтарь, он тихо встал в стороне, но от взора владыки не укрылось горе любимого регента. «Ты сегодня такой печальный, что у тебя?», – спросил он. – «Ваше Высокопреосвященство, жена в родах умирает». Святитель молитвенно осенил себя крестным знамением. – «Помолимся вместе... Бог милостив, все будет хорошо», – сказал он; потом подал ему просфору со словами: «Родится мальчик, назови его Алексеем, в честь празднуемого нами сегодня святого Алексия, человека Божия».

Алексей Иванович ободрился, отстоял литургию и, окрыленный надеждой, поехал домой. В дверях его встретили радостью: родился мальчик.

В двухкомнатной квартирке в Троицком переулке в семье регента Чудовского хора царила живая вера в Бога, проявлялось радушное гостеприимство и хлебосольство; здесь жили радостя-

ми и горестями каждого, кого Бог привел быть в их доме. Всегда было многолюдно, постоянно останавливались родные и знакомые, которые знали, что им помогут и утешат.

Всю жизнь отец Алексий с благоговением вспоминал о самоотверженном поступке матери, которая взяла к себе свою сестру с тремя детьми после смерти ее мужа, несмотря на то, что и самим было тесно с тремя своими детьми – сыновьями Алексеем и Тихоном и дочерью Варварой. Для детей пришлось соорудить полати.

Среди родных и двоюродных братьев и сестер Леня, как звали Алексея в семье, выделялся мягкоксердечием, тихим, миролюбивым характером. Он не любил ссор, хотел, чтобы всем было хорошо; любил развеселить, утешить, пошутить. Все это выходило у него благочестиво. В гостях, в разгар игр в детских комнатах, Леня вдруг становился серьезен, быстро удалялся и прятался, замыкаясь в себе от шумного веселья. Окружающие прозвали его за это «блаженный Алешенька».

Учился Алексей Мечёв в Заиконоспасском училище, затем в Московской духовной семинарии. Он был старательным, исполнительным, готовым на всякую услугу. Оканчивая семинарию, так и не имел своего угла, столь необходимого для за-

нятий. Чтобы готовить уроки, часто приходилось вставать ночью.

Вместе со многими товарищами по классу Алексей Мечёв имел желание поступить в университет и сделаться врачом. Но мать решительно воспротивилась этому, желая иметь в нем молитвенника. «Ты такой маленький, где тебе быть доктором, будь лучше священником», – заявила она с твердостью.

Тяжело было Алексею оставить свою мечту: деятельность врача представлялась ему наиболее плодотворной в служении людям. Со слезами прощался он с друзьями, но пойти против воли матери, которую так уважал и любил, он не мог. Впоследствии батюшка понял, что обрел свое истинное призвание, и был очень благодарен матери.

По окончании семинарии Алексей Мечёв был 14 октября 1880 года определен псаломщиком Знаменской церкви Пречистенского сорока на Знаменке. Здесь ему суждено было пройти тяжелое испытание.

Настоятель храма был человек крутого характера, неоправданно придирчивый. Он требовал от псаломщика выполнения и таких обязанностей, которые лежали на стороже, обходился грубо,

даже бил, случалось, и кочергой замахивался. Младший брат Тихон, посещая Алексея, нередко заставал его в слезах. За беззащитного псаломщика вступался иногда диакон, а тот все сносил безропотно, не высказывая жалоб, не прося о переводе в другой храм. И впоследствии благодарил Господа, что он дал ему пройти такую школу, а настоятеля отца Георгия вспоминал как своего учителя.

Уже будучи священником, отец Алексий, услышав о смерти отца Георгия, пришел на отпевание, со слезами благодарности и любви провожал его до могилы, к удивлению тех, кто знал отношение к нему почившего.

Потом отец Алексий говорил: когда люди указывают на недостатки, которые мы сами за собой не замечаем, они помогают нам бороться со своим «яшкой». Два у нас врага: «окаяшка» и «яшка» – батюшка называл так самолюбие, человеческое «я», тотчас заявляющее о своих правах, когда его кто волей или неволей задевает и ущемляет. «Таких людей надо любить как благодетелей», – учил он в дальнейшем своих духовных детей.

В 1884 году Алексий Мечёв женился на дочери псаломщика восемнадцатилетней Анне Петровне Молчановой. В том же году, 18 ноября, был ру-

рукоположен епископом Можайским Мисаилом во диакона.

Сделавшись служителем алтаря, диакон Алексий испытывал пламенную ревность о Господе, а внешне проявлял величайшую простоту, смиление и кротость. Брак его был счастливым. Анна любила мужа и сочувствовала ему во всем. Но она страдала тяжелым заболеванием сердца, и здоровье ее стало предметом его постоянных забот. В жене отец Алексий видел друга и первого помощника на своем пути ко Христу, он дорожил дружескими замечаниями жены и слушал их так, как иной слушает своего старца; тотчас стремился исправлять замеченные ею недостатки.

В семье родились дети: Александра (1888), Анна (1890), Алексей (1891), умерший на первом году жизни, Сергей (1892) и Ольга (1896).

19 марта 1893 года диакон Алексий Мечёв был рукоположен епископом Нестором, управляющим московским Новоспасским монастырем, во священника к церкви Николая Чудотворца в Кленниках Сретенского сорока. Хиротония состоялась в Заиконоспасском монастыре. Церковь Николая Чудотворца в Кленниках на Маросейке была маленькой, и приход ее был очень

мал. В непосредственной близости высились большие, хорошо посещаемые храмы.

Став настоятелем одноштатной церкви Святителя Николая, отец Алексий ввел в своем храме ежедневное богослужение, в то время как обычно в малых московских храмах оно совершалось лишь два-три раза в седмицу.

Приходил батюшко в храм почти с пяти часов утра, сам и отпирал его. Благоговейно приложившись к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери и другим образам, он, не дожидаясь никого из причта, готовил все необходимое для Евхаристии, совершал проскомидию. Когда же подходил установленный час, начинал утреню, закоторой нередко сам читал и пел; далее следовала литургия. «Восемь лет служил я литургию каждый день при пустом храме, – рассказывал впоследствии батюшко. – Один протоиерей говорил мне: "Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходит в церковь – пусто... Ничего у тебя не выйдет, понапрасну звонишь"». Но отец Алексий этим не смущался и продолжал служить. По действовавшему тогда обычаяу москвичи говели раз в году Великим постом. В храме же «Николы-Кленники» на улице Маросейке можно было в любой день исповедаться и причаститься. Со временем это стало в

Москве известно. Описан случай, когда стоявшему на посту городовому показалось подозрительным поведение неизвестной женщины в очень ранний час на берегу Москвы-реки. Пойдя, он узнал, что женщина пришла в отчаяние от тягот жизни, хотела утопиться. Он убедил ее оставить это намерение и пойти на Маросейку к отцу Алексию. Скорбящие, обремененные горестями жизни, опустившиеся люди потянулись в этот храм. От них пошла молва про его доброго настоятеля.

Жизнь духовенства многочисленных малых приходов того времени была материально тяжела, плохими часто бывали и бытовые условия. Маленький деревянный домик, в котором помещалась семья отца Алексия, был ветхим, полусгнившим; стоявшие вплотную соседние двухэтажные дома затеняли окна. В дождливое время ручьи, сбегая вниз с Покровки и Маросейки, текли во двор храма и в подвал домика, в квартире всегда было сыро.

Матушка Анна Петровна тяжело болела. У нее началась сердечная водянка с большими отеками и мучительной одышкой. Скончалась Анна Петровна 29 августа 1902 года в день усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

В то время очень близкая отцу Алексию купеческая семья (Алексей и Клавдия Беловы) пригласила к себе домой приехавшего в Москву праведного отца Иоанна Кронштадтского, с которым находилась в контакте по делам благотворительности. Сделано же это было для встречи с ним отца Алексия.

«Вы пришли разделить со мной мое горе?», – спросил отец Алексий, когда вошел отец Иоанн. – «Не горе твое я пришел разделить, а радость, – ответил отец Иоанн. – Тебя посещает Господь. Оставь свою келью и выйди к людям; только отныне и начнешь ты жить. Ты радуешься на свои скорби и думаешь: нет на свете горя больше твоего... А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя, и тогда увидишь, что твое несчастье незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет».

Благодать Божия, обильно почивающая на Кронштадтском пастыре, по-новому осветила жизненный путь отца Алексия. Указанное ему он принял как возложенное на него послушание. К восприятию благодати старчества он был, несомненно, подготовлен многими годами поистине подвижнической жизни.

Искавших в марсейском храме помощи, надломленных тяжелыми обстоятельствами, взаим-

ной неприязнью, погрязших во грехах, забывших о Боге отец Алексий встречал с сердечной приветливостью, любовью и состраданием. В душу их вселялись радость и мир Христов, проявлялась надежда на милость Божию, на возможность обновления души, проявляемая по отношению к ним любовь вызывала у каждого ощущение, что его больше всех полюбили, пожалели, утешили.

Отец Алексий получил от Бога благодатный дар прозорливости. Приходившие к нему могли видеть, что ему известна вся их жизнь, как ее внешние события, так и их душевые устремления, мысли. Раскрывал он себя людям в разной степени. По своему глубокому смирению всегда стремился не показывать полноты этого дара. О каких-либо подробностях, деталях еще неизвестной собеседнику ситуации он обычно говорил не напрямик, а якобы рассказывая об имевшем недавно место аналогичном случае. Указание, как поступить в конкретном деле, батюшка высказывал только раз. Если пришедший возражал, настаивал на своем, то отец Алексий устраивался от дальнейшего разговора, не объяснял, к чему приведет неразумное желание, даже не повторял первоначально сказанного. Мог иногда дать и требуемое от него благословение. Лицам же, пришедшим с покаянным чувством и преис-

полненным доверия, он оказывал молитвенную помощь, предстательствуя за них перед Господом об избавлении от трудностей и бед.

Отец Алексий получил известность как добрый батюшка, к которому следует обращаться в трудные для семьи моменты. Не в правилах его было читать наставления, обличать, разбирать чьи-нибудь дурные поступки. Он умел говорить о моральных аспектах семейных ситуаций, не затрагивая болезненного самолюбия находившихся в конфликте сторон. И его приглашали на требы в критические моменты. Приезжая в готовую развалиться семью, батюшка приносил в нее мир, любовь и всепрощающее понимание всех и каждого. Он не порицал никого, не укорял, а старался, приводя яркие случаи ошибок и заблуждений, доводить слушающих до сознания своей вины, вызывать у них чувство раскаяния. Это рассеивало тучи злобы, и виноватые начинали чувствовать в своих поступках неправоту. Надлежащее понимание нередко наступало не сразу, но позже, когда человек, вспоминая слова отца Алексия и глубже заглядывая в свою смягчившуюся душу, мог наконец увидеть, что его рассказы имели прямое к нему отношение, и понять, какой новый путь он для него намечал.

В нижнем жилом этаже храма батюшка открыл начальную церковно-приходскую школу, а также устроил приют для сирот и детей неимущих родителей. Дети осваивали там и полезные для них ремесла. В течение 13 лет отец Алексий преподавал детям Закон Божий в частной женской гимназии Е.В. Винклер.

Благословив на писание икон свою духовную dochь Марию, пришедшую к нему в храм девочкой-подростком вскоре после смерти отца, батюшка способствовал этим возрождению в дальнейшем древнерусской иконописи, которая находилась в забвении несколько столетий, уступив место живописи.

Богослужения в храме отец Алексий стал совершать в ту пору не только утром, но и вечером (вечерню и утреню).

Проповеди батюшки были просты, искренни, они не отличались красноречием. То, что он говорил, трогало сердце глубиной веры, правдивостью, пониманием жизни. Он не пользовался ораторскими приемами, сосредоточивал внимание слушателей на евангельских событиях, житии святых, сам оставаясь полностью в тени.

Молитва отца Алексия никогда не прекращалась. На своем примере батюшка показал, что

при житейском шуме и суете города можно быть далеким от всего земного, иметь непрестанную молитву, чистое сердце и предстоять Богу еще здесь, на земле.

Когда его спрашивали, как наладить жизнь прихода, он отвечал: «Молиться!» Призывал своих духовных чад молиться за панихидами: «Еще раз ты войдешь в соприкосновение с усопшими... Когда предстанешь перед Богом, все они воздвигнут за тебя руки, и ты спасешься».

Число молящихся в храме все увеличивалось. Особенно после 1917 года, когда отошедшие от Церкви, испытав многочисленные беды, устремились в храмы в надежде на помощь Божию. После закрытия Кремля часть прихожан и певчих Чудова монастыря перешла по благословению владыки Арсения (Жадановского) в храм отца Алексия. Появилось немало молодежи, студентов, которые увидели, что революция вместо обещанных благ принесла новые бедствия, и теперь стремились постичь законы духовной жизни.

В эти годы начали служить на Маросейке получившие образование ревностные молодые священники и диаконы, в их числе сын отца Алексия отец Сергий Мечёв, рукоположенный во иерея в Великий Четверток 1919 года. Они по-

могали и в проведении лекций, бесед, в организации курсов по изучению богослужения. Но нагрузка на отца Алексия все возрастала. Слишком многие желали получить его благословение на какое-либо дело, выслушать его совет. Батюшке приходилось и раньше принимать часть приходящих в своей квартире в домике причта, построенном перед Первой мировой войной известным издателем И.Д. Сытиным. Теперь же можно было видеть нескончаемые очереди у дверей домика, летом приезжие оставались ночевать во дворе храма.

Велико было смижение отца Алексия. Никогда не обижался он ни на какие грубости по отношению к себе. «Я что?.. Я – убогий...» – говоривал он. Однажды, заставив духовную дочь вспомнить на исповеди, что она плохо говорила о своей родственнице и не придала этому значения, он сказал ей: «Помни, Лидия, что хуже нас с тобою во всем свете никого нет».

Сторонился батюшка проявлений по отношению к себе знаков почтения, уважения, избегал пышных служб, а если приходилось участвовать, то старался встать позади всех. Тяготился наградами, они обременяли его, вызывая у него глубокое, искреннее смущение.

По хлопотам чудовских сестер в 1920 году Святейший Патриарх Тихон удостоил батюшку награды – права ношения креста с украшениями. Священники и прихожане собирались вечером в храм, чтобы поздравить его. Отец Алексий, обычно улыбчивый, радостный, выглядел встревоженным и огорченным. После краткого молебна он обратился к народу с сокрушением, говоря о своем недостоинстве, и, заливаясь горькими слезами, просил прощения и поклонился в землю. Все увидели, что, принимая эту награду, он действительно чувствовал себя недостойным ее.

Истинными духовными друзьями отца Алексия были современные ему оптинские подвижники – старец иеросхимонах Анатолий (Потапов) и скитоначальник игумен Феодосий. Отец Анатолий приезжавших к нему москвичей направлял к отцу Алексию. Старец Нектарий говорил кому-то: «Зачем вы ездите к нам? У вас есть отец Алексий».

Отец Феодосий, приехав как-то в Москву, посетил маросейский храм. Был за богослужением, видел, как идут вереницы исповедников, как истово и долго проходит служба, подробно совершается поминовение, как много людей ожидает приема. И сказал отцу Алексию: «На все это дело, которое вы делаете один, у нас бы в Опти-

ной несколько человек понадобилось. Одному это сверх сил. Господь вам помогает».

Святейший Патриарх Тихон, который всегда считался с отзывом батюшки в случаях хиротонии, предложил ему взять на себя труд по объединению московского духовенства. Заседания проходили в храме Христа Спасителя, но по условиям того времени вскоре были прекращены. Отношение духовенства к батюшке было весьма различно. Многие признавали, его авторитет, часть пастырей была его духовными детьми и последователями, но немало было и тех, кто критиковал его.

В последних числах мая по новому стилю 1923 года отец Алексий поехал, как и в прошлые годы, отдохнуть в Верею, отдаленный городок Московской области, где у него был маленький домик. Перед отъездом служил в маросейском храме свою последнюю литургию, прощался с духовными детьми, уходя, простился с храмом. Скончался отец Алексий в пятницу 9/22 июня 1923 года. Последний вечер он был радостен, ласков со всеми, вспоминал отсутствующих, особенно внука Алешу. Смерть наступила сразу же, как только он лег в постель, и была мгновенной.

Гроб с телом отца Алексия был доставлен в храм Николая Чудотворца в Кленниках на лошади в

среду 14/27 июня в девятом часу утра. Церковные общины Москвы во главе со своими пастырями приходили одна за другой петь панихиды и прощаться с почившим. Это длилось до самого утра следующего дня, чтобы дать возможность всем пришедшим помолиться. Служили вечером две заупокойные всенощные: одну в церкви и другую во дворе. Литургию и отпевание совершал во главе сонма духовенства архиепископ Феодор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря, – об этом просил в своем письме незадолго до смерти отец Алексий. Владыка Феодор находился тогда в тюрьме, но 7/20 июня был освобожден и смог исполнить желание батюшки.

Всю дорогу до кладбища пелись пасхальные песнопения. Проводить отца Алексия в последний путь прибыл на Лазаревское кладбище исповедник Христов Святейший Патриарх Тихон, только что освобожденный из заключения. Он был восторженно встречен толпами народа. Исполнились пророческие слова батюшки: «Когда я умру – всем будет радость». Литию служил архимандрит Анемподист. Святейший благословил опускаемый в могилу гроб, первый бросил на него горсть земли.

Отец Алексий говорил при жизни своим духовным чадам, чтобы они приходили к нему на мо-

гилку со всеми своими трудностями, бедами, нуждами. И многие шли к нему на Лазаревское кладбище.

Через десять лет в связи с закрытием Лазаревского кладбища останки отца Алексия и его жены были перенесены 15/28 сентября 1933 года на кладбище «Введенские горы», именуемое в народе Немецким. Тело отца Алексия было в ту пору нетленным. Лишь на одной из ног нарушился голеностопный сустав и отделилась стопа.

Все последующие десятилетия могила отца Алексия была, по свидетельству администрации кладбища, самой посещаемой. Благодаря рассказам о полученной помощи, а позднее и публикациям, множество людей узнали об отце Алексии и, прося его заступничества в своих бедах и трудных житейских обстоятельствах, бывали утешены батюшкой.

Регулярно приходилось добавлять земли в могильный холмик, так как прибегавшие к помощи отца Алексия уносили ее с собой...

В первую годовщину смерти отца Алексия маросейская община предложила всем, кто пожелает, написать о своих встречах с батюшкой, на что многие откликнулись. Воспоминания эти были неравноценны; но в некоторых из них засвиде-

тельствованы случаи прозорливости, примеры чудес, знамений и молитвенной помощи старца.

У одной женщины из Тулы пропал единственный сын. Полгода не было от него вестей; мать была в тяжелом стоянии. Кто-то посоветовал ей обратиться к отцу Алексию. Она приехала в Москву, пришла прямо в храм Николая Чудотворца в Кленниках и в конце литургии вместе со всеми пошла прикладываться ко кресту. Еще несколько молящихся отделяло ее от батюшки, которого она в первый раз видела, когда он протянул ей крест через головы шедших впереди нее и внушительно сказал: «Молись как за живого». От неожиданности растерявшись, она смущилась и постеснялась подойти вторично. Не имея сил успокоиться, обратилась к священнику, хорошо знавшему батюшку, и тот привел ее к нему домой. Едва она вошла в комнату и взяла благословение, как батюшка, не слышав еще ни одного ее слова, а она от волнения и душивших ее слез не могла говорить, взял ее за плечо и, с любовью и лаской смотря ей в глаза, промолвил: «Счастливая мать, счастливая мать! О чем ты плачешь? Тебе говорю: он жив!» Затем, подойдя к письменному столику, начал перебирать лежавшие на нем бумажные иконочки, приговаривая: «Вот тоже на днях была у меня мать: все о сыне беспокоится, а он преспокойно служит в

Софии на табачной фабрике. Ну, Бог благословит», – и с этими словами благословил ее иконочкой. Это было на Светлой неделе. В конце сентября она получила от сына из Болгарии письмо, где он сообщал, что служит в Софии на табачной фабрике.

Ольга Серафимовна, человек из высших слоев общества, глубоко верующий и церковный, была начальницей приюта для сирот, состоявшего под попечительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Часто бывала она в храме Николая Чудотворца в Кленниках у батюшки отца Алексия. И он бывал по ее приглашению в приюте.

Однажды вместе с нею собралась к обедне в этот храм одна из ее подчиненных служащих, смотрительница приюта. После литургии, подходя к кресту, Ольга Серафимовна подумала: «А что, если батюшко скажет мне сейчас что-нибудь такое, что уронит мое достоинство и авторитет в глазах моей подчиненной?» Опасаясь этого, она предложила своей сослуживице пойти впереди нее, но та не захотела. Увидев Ольгу Серафимовну, батюшко высоко поднял крест и, широким твердым жестом благословляя ее, громко, отрывисто произнес: «Ольга!.. Мудрая!..» – потом, нагнувшись к самому ее уху, шепотом ласково добавил: «Дура, это я только для других

сказал...» – и, с обычной благостной улыбкой посмотрев на нее, продолжал давать крест подходившим.

Однажды к батюшке на прием привели мальчика, приучившегося красть. Батюшка, сам отворивший дверь и еще ничего не слышавший о нем, строго ему сказал: «Ты зачем крадешь? Нехорошо красть».

Одна дама, по имени Вера, прислуживавшая в церкви, получила разрешение повидать батюшку во время его болезни. По дороге к нему она все думала: «Господи! Что мне делать, ведь у меня две сестры, обе нетрудоспособные, я их содержу, что же будет с ними, когда я умру?..» Только она вошла в комнату батюшки, он встретил ее словами: «Ах ты, Вера, да без веры, а еще косынку носишь, сестра церковная. Что ты все на себя берешь, предоставить Богу ничего не хочешь? Нет, ты вот что, оставь все эти сомнения за порогом и верь, что Бог лучше тебя сохранит твоих сестер».

Одна женщина пришла спросить у батюшки, не выйти ли ей замуж. Муж ее попал в плен к немцам в войну 1914 года. С тех пор прошло почти 9 лет, и нет о нем никаких вестей, к ней же сватается очень хороший человек. Вместо ответа батюшка рассказал: «Вот, дорогие, какие быва-

ют случаи: одна женщина пришла ко мне и говорит: "Батюшка, благословите меня замуж выйти, так как мой муж много лет в плену и его, по-видимому, нет в живых. А сватается за меня очень хороший человек". Я ее не благословил, а она все же вышла замуж. Только повенчалась, через восемь-девять дней возвращается ее муж из плена. И вот два мужа, и с ними жена пришли разрешить вопрос, чья же она теперь жена. Вот какие бывают случаи...». Спрашивавшая испугалась и решила подождать, а через несколько дней неожиданно вернулся ее муж.

В одну из пятниц по окончании литургии к батюшке подошли две девушки, одетые в черное, с просьбой благословить их на поступление в монастырь. Одну из них он благословил охотно и дал большую просфору, а другой сказал: «А ты вернись домой, там ты нужна, и в монастырь тебя не благословляю». Девушка отошла смущенная и разочарованная. Окружающие полюбопытствовали, у кого и при каких условиях она живет. Девушка ответила, что живет с большой старушкой-мамой, которая и слышать не хочет об уходе дочери в монастырь, ведь тогда она останется совсем одна.

После молебна в среду подошла к батюшке женщина, упала ему в ноги и, рыдая, начала кри-

чать: «Батюшка, помогите! Батюшка, спасите! Не могу больше жить на свете: последнего сына на войне убили», – и начала биться головой о подсвечник, что у иконы Святителя Николая. Подойдя, батюшка обратился к ней с такими словами: «Что ты делаешь, разве можно так отчаяваться. Вот великий заступник и молитвенник наш перед Господом». И, помогая ей подняться на ноги, тотчас начал молебен Святителю Николаю, а ей сказал: «Сделай три земных поклона. Молебен тебе стоять некогда. Я уж за тебя помолюсь один, а ты поезжай скорей домой, там тебя ждет великая радость». И женщина, ободренная батюшкой, побежала домой. На другой день, во время ранней литургии, которую совершил отец Алексий, шумно вбежала вчерашняя посетительница. Она желала как можно скорее увидеть батюшку, повторяя взволнованным голосом: «А где же батюшка?» Сообщила, что, придя вчера домой, она нашла на столе телеграмму от сына, в которой говорилось, чтобы она немедленно приехала на вокзал для встречи его. «Да вот он и сам идет», – указала она на входившего в тот момент молодого человека. Батюшка был вызван из алтаря. С рыданием упала перед ним женщина на колени и просила отслужить благодарственный молебен.

Великим постом после молебна подходит к отцу Алексию женщина: «Батюшка, помогите, скорби совсем замучили. Не успеешь пять проводить, как уж девять навстречу». Батюшка, пристально взглянув ей в лицо, спросил: «А давно ли ты причащалась?» Не ожидая такого вопроса, женщина смущилась и сбивчиво начала говорить: «Да вот недавно, батюшка, говела...» – «А как недавно? – повторил вопрос батюшка, – годика четыре уже будет?» – «Да нет, батюшка, я вот только прошлый год пропустила, да позапрошлый нездорова была». – «А перед этим годом ты в деревне была? Вот тебе и четыре года». Поняв, что батюшке известна вся ее жизнь, она стала перед ним на колени, прося прощения. «А что же ты у меня просишь? – заметил батюшка, – проси у Бога, Которого ты забыла. Вот потому-то тебя и скорби одолели».

Отец Сергий Дурылин, став с весны 1921 года настоятелем часовни Боголюбской иконы Божией Матери, продолжал служить на Маросейке в определенный день недели. Он рассказал, что в один из этих дней в 1922 году в храм пришла женщина, которая много плакала и поведала о себе, что она из Сибири, из города Тобольска. Во время гражданской войны у нее пропал сын; не знала она, жив он или мертв. Однажды, особенно наплакавшись в молитве к преподобному Се-

рафиму и изнемогши от слез, она увидела во сне самого преподобного. Он рубил топориком дрова и, обернувшись, сказал: «А ты все плачешь? Поезжай в Москву на Маросейку к отцу Алексию Мечёву. Сын твой найдется».

И вот та, которая в Москве никогда не бывала, имени отца Алексия не слыхала, решилась на такой далекий и по тем временам трудный путь. Ехать приходилось то в товарном, то в пассажирском поезде. Бог знает, как добралась она. Нашла Маросейку, церковь и батюшку, на которого ей указал преподобный Серафим. Слезы радости и умиления текли по ее лицу. Уже после кончины батюшки стало известно, что эта женщина нашла тогда своего сына.

Имеется множество свидетельств благодатной помощи в различных нуждах по молитвам к старцу. Много таких случаев было отмечено при восстановлении храма на Маросейке. В дни памяти батюшки несколько раз неожиданно приходила помочь в оформлении документов, в срочных делах по ремонтным работам в храме и церковном домике; поступали пожертвования. На опыте известно, что когда в скорби обращаются к нему: «Батюшка отец Алексий, помоги», — помощь приходит очень скоро, отец Алексий

стяжал от Господа великую благодать молиться за тех, кто к нему обращается.

На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года старец в миру протоиерей Алексий Мечёв был причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания.

В настоящее время мощи преподобного Алексия Мечёва находятся в Москве в храме святителя Николая в Кленниках.